

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МЕГАПОЛИСА

Жизнь под прищелом эпохи¹

Те, кто еще помнит свое существование в Стране Советов, вряд ли забудут режим тоталитарного надзора за умами и душами. Государственная слежка за всем, чем "так вольно дышит человек", и верно-подданныческий контроль граждан друг за другом проникали во все сферы бытия, порождая всеобщий политический страх. Страх вымолвить слово, не отвечающее канонам официального мировоззрения, совершить поступок, искажающий общепринятые шаблоны поведения или условности межличностного общения. Постепенно иссякало откровение в разговорах и в письмах, забрасывались куда подальше дневники, исчезали прочие документальные свидетельства индивидуальной жизни. Духовная и интеллектуальная пища была сведена к избранному "ассорти", санкционированному властью и цензурой.

Потому горькую мудрость строк поэта Самуила Маршака следует, наверное, отнести не к одним только лишенным литературного дарования, бесталанным сочинителям, но главным образом к людям, придушенным железной ступней эпохи.

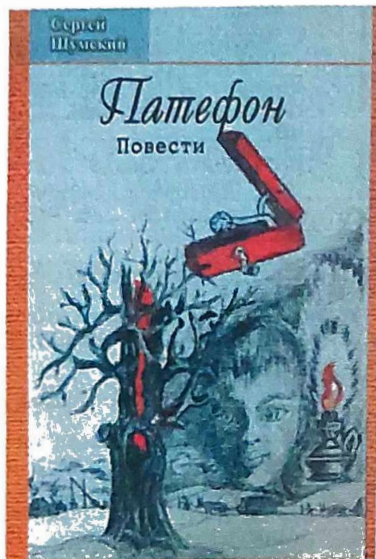
Как часто жизнь

бывает к нам сурова:

*Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей*

сложить.

Тяжелая чаша сия миновала Сергея Терентьевича Шумско-

го, написавшего книгу прозы, где отражена обретенная им личная правда о событиях, ставших решающими в судьбе двух великих держав XX века - царской России и СССР. Ее составили две сюжетно связанные между собой небольшие автобиографические, судя по тональности письма, повести - "Благодать для Маруси" и "Патефон".

Обыгравая название этой книги - "Патефон", - можно сказать, что автор в "закромах" своей пристальной памяти нашел антикварный по нынешним временам портативный аппарат, на котором прокрутил перед читателем набор разрозненных пластинок, достоверно воссоздающих штрихи-картинки "давно минувших дней" из летописи семьи Ольшанских, некогда пере-

бравшейся в казахстанское Прииртышье из-под русского Белгорода.

В предисловии к книге Сергей Шумский называет эти картинки "клипами". Смонтированные не всегда в хронологической последовательности, многие из них отражают, укрупняя отдельные детали, сущность общественно-политических катаклизмов, в которые был ввергнут народ, и живописуют драматические ситуации, обостренно, но смиренно переживаемые семьей и ее земляками.

Кровавыми клиньями вырываются из ткани повествования эпизоды братоубийственной гражданской войны в семипалатинских степях, сцены насильственной организации колхозов, куда были безжалостно у-

рамбованы местными уполномоченными судьбы исконных хозяев земли и их вековой уклад, и не явный, но подспудно ощущаемый дух АЛЖИРа (Акмолинского лагеря жен изменников Родины). Пронзительно запечатлены тыловые отголоски Великой Отечественной: утрата кормильцев, каторга крестьянских тягот, безотцовщина...

И все же юный Санька, главный лирический герой книги, несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды, сохраняет природную душевность и чуткость ко всем несчастным людям, ближним и дальним, и поэтическое восприятие природы. На рассвете, везя на быках, запряженных в бричку, пшеницу на базар, он спрашивает у матери: "Почему впереди, на горизонте,

звезды сорвались с неба и упали на землю?" "Это город светится", - отвечает мать. И весь неблизкий путь город манил мальчика своими звездами, мерцающими на земле.

Манеру опытного автора, лауреата премии Союза журналистов Казахстана, известного читателям по публикациям в журнале "Простор" и несколькими книгам повестей и рассказов, отличает очерковая стилистика с элементами художественности.

Сергей Шумский и сам использует, и вкладывает в уста своих героев блестящие диалектных слов и речений (многие из которых наверняка отсеяла бы пуританская советская цензура), не принятых в литературном обиходе. По замыслу автора, они должны не только придать живость рассказу, но и напомнить читателям о том, как говорили их предки, чья раскованная речь была исполнена откровенных, неподдельных чувств и точности.

И может быть, как он надеется, молодые люди, прочитав его новую книгу, станут внимательнее и бережнее относиться друг к другу. И любить не только себя, но и другого: и друга своего, и даже врага. Во имя той высшей на земле Благодати, которая и есть сама Жизнь.

Илларион АРСЕНЬЕВ

Фото Мэлса ЕТЕКБАЕВА

и Раисы КРУГОВОЙ

¹ Шумский С. Т. Патефон: Повесть. Алматы: "Глобус", 2005.